

ГЛАВА 1

Чем меньше ты сам, тем больше мир вокруг.

Исайя

Моя история начинается в день, когда я потерял свою семью.

Мои старшие братья и сестры бегут, и я бегу за ними, изо всех сил стараясь не отставать. Вот мы одолели коридор. Осталось позади ведро со шваброй. Открытая дверь уже совсем рядом.

Мы бежим со всех ног, чтобы спастись из этого страшного, опасного, просто КОШМАРНОГО места!

Из дома, где мы прожили столько лет.

Мы бежим к свободе. Впереди меня несутся девяносто шесть моих братьев и сестер — они знают

дорогу. Я младший из всех (и вдобавок самый мелкий), и, как всегда, бегу за ними следом. А что мне еще остается? Они бегут — и я за ними. Я знаю, что они найдут для нас убежище. И там будет гораздо лучше, чем здесь. Обязательно!

Так говорит Эйб. И Винни тоже.

Мы протискиваемся в узкую щель между дверью и стеной и оказываемся в Стране Великанов.

То есть снаружи.

Там, где никто из нас никогда не был.

Я уже говорил, что мне очень страшно?

О нет!

На пути у нас вырастает черная складчатая гора, издающая тошнотворный запах гнилых овощей. Нам приходится разделиться. Братья и сестры разбегаются во все стороны.

— Стойте! — кричу я. — Подождите меня!

Но они не могут ждать. Это слишком опасно.

Я бегу напрямик, чтобы догнать их. Я взбегаю на гору.

И тут же понимаю, что зря.

Поверхность горы сделана из чего-то тонкого, как яичная скорлупа, и моя правая задняя лапа прорывает в ней дыру. Лапа застревает в какой-то склизкой гадости, и я никак не могу ее вытянуть. Это не гора. Это большой черный пластиковый мешок с мусором.

— Ребята!

Но мои братья и сестры давно разбежались.

А я попался.

Я начинаю паниковать. Как всегда.

— ПОМОГИТЕ! — кричу я во весь голос.

Мы решили бежать, потому что мой старший брат Бенджи так решил. Но Бенджи нигде нет. И Эйба, и Винни, и...

Я слышу гулкие человечесьи шаги.

Кто-то идет.

Я пытаюсь выдернуть лапу. Она застряла крепко. Я пытаюсь еще раз.

На третий раз мне удастся освободить лапу. Надо бежать! Надо найти братьев и сестер! Куда мне без них идти, что делать?

Я скатываюсь с мусорной горы, огибаю измятый

пакет с надписью «Ч-И-П-С-Ы» — и оказываюсь на каком-то возвышении.

— Винни! Эйб!

Я верчу головой, но никого не вижу.

Потом я смотрю под ноги.

В добром метре подо мной — стальная решетка, за которой чернота.

Я зажмуриваюсь и прыгаю.

И с плеском падаю в грязную холодную воду. Ненавижу мочить лапы.

— Ребята! — зову я. — Кто прыгнул в ливневку, отзовитесь! Ау! Есть здесь кто-нибудь?

Ни ответа. Ни писка. Только эхо моего собственного голоса отражается от стен.

У людей есть такое присловье: когда один напуган, а другой хочет, чтобы тот, первый, взял себя в руки, он говорит, «Что ты дрожишь, как мышь!»

Я мышь, и я дрожу.

Меня зовут Исая. Мне страшно, как никогда в жизни, а это кое-что да значит, ведь я всю жизнь прожил в страхе. Но хуже, чем сейчас, мне не было еще никогда.

Я не знаю, где я. Я потерял всех родных.

А может, это они меня потеряли.

Так или иначе, впервые в жизни я остаюсь один.

ГЛАВА 2

*Бог посылает нам желуди,
но разгрызть их мы должны самостоятельно.
Исайя*

Я слышу сирену.
Темноту рассекают красные всполохи, которым вторит громкий вой. Ой-ой-ой! Кто-то включил сигнализацию!

Мне хочется забиться в самый темный угол водостока и навечно остаться там, но внутренний голос говорит: «Не останавливайся, Исайя! Беги прочь! Найди своих родных! Скорее, не то будет поздно!»

И я ныряю в темноту.

Я очень быстро бегаю. Не зря я столько месяцев занимался на беговом колесе. Покачивая для равновесия хвостом, я заскакиваю за угол. Пляшущие

красные всполохи сюда не достают. Темно, хоть глаз выколи. Я шевелю усиками, как учила меня мама (до того, как пропала из Страшного Места), и так нахожу путь среди сырых стен. Вокруг чернота, и я слепо бреду вперед.

И лапы совсем промокли.

Вдруг впереди я вижу луч света, как бы разрезанный вдоль на кусочки.

Это еще одна канализационная решетка.

Я взбираюсь по скользкой стене и оказываюсь в переулке, где повсюду валяется мусор. Попадаются и лакомые кусочки. Но если вы мышь, которая должна догнать своих, вы не остановитесь даже перед самым вкусным угощением в мире. Я поскальзываюсь на раскисшей коричневой банановой кожуре, перебегаю к груде ящиков и протискиваюсь в щель, куда не пролез бы и лист бумаги.

Выкатившись (на попе) с противоположной стороны, я слышу голоса.

Это люди.

— Найди их, дубина! — орет один. — Всех найди!

— Я не виноват, — оправдывается другой. — На одну секунду дверь открыл, будь она неладна!

Больше я не слушаю.

Я примериваюсь к стене здания и лезу вверх, цепляясь за незаметные человеческому глазу вы-

боинки. Достигнув крыши, я вижу толстый черный кабель, который лениво покачивается на ветру. Я отталкиваюсь от стены, лечу вперед и падаю на кабель. Он пружинит у меня под лапами.

Отставив для равновесия хвост, я бегу по кабелю, как жонглер по канату.

Очень скоро подо мной оказывается еще один не то переулок, не то свалка всякой ядовитой дряни. Запах стоит такой, что у меня усики встают дыбом. Пахнет ржавчиной. Испорченными химикатами. Тухлыми яйцами.

Вой сирены терзает мне уши. Я встряхиваюсь всем телом, от головы до кончика хвоста. Где же мои братья и сестры? В одиночку так трудно быть храбрым.

Но никого из них по-прежнему нигде нет.

Но я все равно кричу вниз:

— Ребята! Эйб! Винни! Эй, кто-нибудь! Где вы?

ГЛАВА 3

*Сколько мышка ни беги,
а от хвоста не убежишь.
Исайя*

Бегу я всего минут пять, а кажется — вечность. Люди остались далеко позади, но они говорят громко, а слух у меня чуткий.

— Девяносто пять, — говорит один.

— Сейчас еще одну, — говорит второй. — Ага, попалась!

О нет! Они схватили всех моих братьев и сестер! И Эйба, и Винни, и Бенджи, и...

— Отлично! — восклицает человек. — Кого не хватает?

— Голубого, из этих, будь он неладен, — отвечает ему другой. — Заморыша.

— А, Голубого-97. Эй, гляди, что это там за бочкой?

— Держи его, держи!

Они срываются с места. Я тоже.

Голоса их становятся все тише — значит, мы бежим в разные стороны.

Вам случалось остаться совершенно одному, без родных, в незнакомом месте?

И что вы делали? Садились и плакали навзрыд? Вот и я так собираюсь.

Хуже всего то, что я точно знаю, где они оказались. Там, куда я не вернусь, — никогда, ни за что.

Я знаю, что они будут продолжать попытки к бегству. Мой братец Бенджи не из тех, кто легко сдается. Он будет бороться до последнего. Он придумает новый план — и скоро.

Но мне-то что делать до тех пор? Жить снаружи одному-одинешеньку? Я не умею добывать пищу, не умею искать ночлег... С чего вообще начинать?

Вдруг облака расступаются, и луч полуденного солнца согревает мне шерстку и высушивает лапки.

Я решаю двигаться дальше. Надо найти место, где я спрячусь и пережду, пока Бенджи и остальные не предпримут очередную попытку бежать из Страшного Места. Они выскочат — а я тут как тут!

Вы, наверное, думаете: «Погоди, Исайя, ты ведьмышь. Мыши — ночные существа, и они почти сле-

пы. Как же это ты разгуливаешь на солнце? Неужели глаза не болят?»

Вот что я вам на это отвечу. Во-первых, мы, мыши, адаптировались не только к ночному, но и к сумеречному образу жизни, то есть активны и ночью, и в сумерках. Вы спрашиваете, откуда я знаю такие сложные слова, как «адаптироваться»? О, я знаю много сложных слов. Вот, например, «акклиматизация» — это почти то же самое, что «адаптация», но не совсем.

А солнечный свет моим глазам не страшен, не волнуйтесь. Я, в отличие от садовых и полевых мышей, вижу практически идеально и днем и ночью. И еще очень тонко улавливаю запахи. Вдесятеро лучше любой собаки. Я — мышь, замечательная во всех отношениях.

Начать хотя бы с того, что при встрече со мной вы бы, наверное, закричали не своим голосом. Нет, не потому что я мышь. А потому что я — голубая мышь. Я весь яркого голубого цвета, совсем как зефирные кролики, которых Белые Халаты ели на эту Пасху.

Не примите за хвастовство, но вообще-то я очень умен и обладаю весьма обширным (не будет ли наглостью сказать «колоссальным»?) словарным запасом, какой весьма редко можно встретить у су-

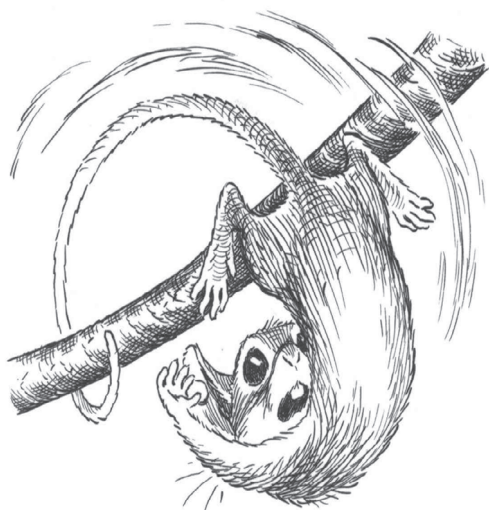
щества весом в тридцать граммов и длиной в пятнадцать сантиметров.

Братья и сестры у меня тоже необычные, у каждого есть особые способности. Нет, мы не все голубого цвета. Вот, например, у Винни шкурка цвета шартрез, это такой бледно-желтый с зеленоватым отливом. Эйб? Он красного цвета, или, как он сам говорит, «алый с искрой».

И все-таки мне кажется, что ни один из девяноста шести моих братьев и сестер не испуган сейчас так, как я. Я буквально цепенею от страха. Потому что, честно говоря, я самый большой трусишка в семье. Печально, но факт. Из всех девяноста семи детей моей мамы я — самый главный трус и дрожу от одного слова «кошка».

Брр!

Вот видите? Только сказал «кошка», и уже дрожу.

Ой, ну зачем, зачем я сказал это во второй раз! Я ведь все еще бегу по кабельной оплетке, — и тут лапы у меня подгибаются. И я падаю, и кубарем лечу вниз!

Роль страховочной сетки берет на себя пышная мягкая грудка листьев.

Я знаю, что вы думаете. Я и сам не рад тому, что такой нервный и трусливый, но что поделаешь? Бенджи однажды сказал, что я труслив как заяц — странно, что уши не вытянулись.

Минуту-другую я лежу не шевелясь. Вдруг Белые Халаты где-то рядом? Или какая-нибудь хищная птица, которая как раз высматривает себе обед.

Но из звуков вокруг — только шелест травы на ветру да грохот моего сердца. Я медленно поднимаю

голову и обвожу взглядом окрестности, надеясь, вопреки всему, увидеть знакомую мордочку и дружеское подрагивание усиков.

— Эйб, — хнычу я. — Винни! Бенджи!

Никто, конечно, не отзывается. Люди сказали правду. Они поймали всех. Всех до единого.

Кроме меня. Меня — самого трусливого мышонка во всем помете.

ГЛАВА 4

*Коли все потеряно, терять больше нечего.
Исайя*

Я встаю на задние лапки, чтобы осмотреться.
Я остался один-одинешенек на всем белом свете. И даже не знаю, в какой его части.

Полагаю, у меня есть выбор:

А) передумать, вернуться в Страшное Место и сдаться Белым Халатам. Очень скоро я снова буду со своими родными. Стану тягивать сахарную воду из трубочки и грызть сухой корм, а вечером устроюсь в мягких душистых опилках — красота!

Б) Бежать дальше. Найти укрытие. Ждать, пока братья и сестры сбегут и найдут меня.

Я выбираю план Б. Тем более что незадолго до нашего побега через заднюю дверь опилки у меня в подстилке, как бы это сказать, отсырели. Понимаете, мне было так страшно даже думать о побеге из Страшного Места, что я намочил постель. Только, чур, никому не говорите.

Где-то я читал (ну да, я умею читать — откуда, по-вашему, я знаю все эти длинные слова?), что «нам нечего бояться, кроме самого страха».

Это, понятное дело, написал человек. Мы, мыши, все-таки очень маленькие, так что бояться нам очень даже есть чего. Птиц, или котов, или неуклюжих Тряпочников, которые возят тряпкой по полу и ходят в здоровенных таких рабочих башмаках.

Может, я и не храбрец, но я любопытный. Вот сейчас мне, например, очень хочется знать, что находится за полосой деревьев на дальнем конце поля, в которое я угодил?

Я ныряю в высокую траву (ой, щекотно!), то-ропливо одолеваю густую поросль чего-то вечнозеленого и выкатываюсь прямехонько в пригородный район. То есть я думаю, что это он, потому что никогда не видел При-Города. Только читал.

Одно было хорошо в Страшном Месте: там были

книги. Много-много книг. Целая библиотека. И еще были тесты. Много-много тестов.

Иногда, когда Белые Халаты не видели, я сам выбирал себе книжки. Мне нравились приключенческие романы. По правде говоря, я всю жизнь мечтал о Большом Приключении. И только теперь понял, что приключение — это когда ты остался один, и некому о тебе позаботиться.

И все-таки любопытство так и гложет.

Очень уж этот новый мир не похож на все, что я знал прежде.

Я брожу по При-Городу и глазею по сторонам. Деревья, машины у края дороги, брошенные на тротуарах трехколесные велосипеды... На всякий случай я держусь поближе к живым изгородям и ливневым решеткам, а то вдруг снова придется десантироваться в канализацию.

Дома у людей огромные, с большими окнами, и за окнами этими частенько сидят кошки. Я знаю, что они знают, что я здесь. Кошки очень умные. Особенно когда голодны.

Кстати, о голоде...

Я так набегался, напрыгался и надрожался от страха, что от сахарной воды, которой я напился на завтрак, даже воспоминаний не осталось. (А корм я в себя запихнуть не смог, потому что очень пере-

живал.) Я принимаюсь в поисках пищи. И уж поверьте, на сей раз я привередничать не собираюсь.

А вы знаете, что слово «мышь», как считают ученые, произошло от санскритского слова «мус», которое означало «вор»? Нет, я, конечно, никакой не вор. Я никогда ничего не брал без спроса. Мне и так все давали.

Но здесь, в При-Городе, я чужак в чужой стране, а значит, выбора у меня нет. Вряд ли Белые Халаты ищут меня затем, чтобы выдать порцию сухого корма.

К счастью, перед людскими домами тут и там стоят огромные баки на колесах, прямо на траве за живой изгородью. Пахнет от них сногшибательно.

Я подбираюсь к баку и нюхаю воздух. Какое везение! Это бак для пищевых отходов, и он доверху наполнен почти еще совсем годной едой. Цепляясь коготками, как альпинист, я влезая на неприступный Утес Деликатесов и устраиваюсь поудобнее на вершине. В баке лежат белые пластиковые пакеты с мусором, самый верхний открыт. В пакете — виноград. Кусочек хлеба в каких-то бело-зеленых пятнах. И еще что-то мягкое и комковатое — наверное, картофельное пюре. (Я читал про пюре в поваренной книге.)

Да это просто шведский стол какой-то!

Живот требовательно урчит, напоминая, что

я вот-вот умру от голода. Так не пора ли стащить что-нибудь съедобное? И я, впервые за всю свою коротенькую жизнь, веду себя как нормальная мышь (точнее, мус). Я краду еду.

О-о-о-о-о-о!

Может, она и не очень свежая, но какая вкусная!

Я зажевываю три сморщенных виноградины. Зачерпываю мягкое и непонятное (это оказывается овсяная каша с кленовым сиропом). Жадно расправляюсь с яблочной кожурой.

Восхитительно, просто восхитительно! Я познаю новые вкусы. Расширяю свои кулинарные горизонты. Я ведь уже говорил, что рос на сухом корме? Су-

хой корм — это такие противные катышки, на вкус как картон. Откуда я знаю, каков на вкус картон? Просто однажды я случайно погрыз уголок коробки с овсянкой, и сразу узнал этот вкус. Сухой корм как он есть!

Как хорошо, что я не опустил лапы и не вернулся в Страшное Место! В этом новом мире еда гораздо вкуснее.

Я устраиваюсь поудобнее на своем хлебном ложе и готовлюсь воздать должное еще одной сморщенной виноградинке, но тут от подножия моей башни доносится какое-то поскребывание.

Это какое-то крупное животное.

Я осторожно выглядываю.

Ой!

Это крыса!